

ГОРОДА АРМЕНИИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

(Вопросы генезиса, топографии, градостроительной структуры, архитектурного облика)*

Самое беглое сравнение данных, с одной стороны, урартских, а с другой — древнеперсидских, древнеармянских и греческих источников выявляет разительный контраст между степенью урбанизации Армянского нагорья урартского времени и почти полным отсутствием каких либо признаков городской жизни в послеурартский, ахеменидский период¹. По данным урартских клинописных надписей, Армянское нагорье было покрыто сетью городов, среди которых, как это видно и по результатам археологических раскопок, имелись настоящие крупные центры (Тейшебаини, Аргиштихинили, Русахинили и др.). Греческие и другие источники, рисующие историю Армении в послеурартский период, не упоминают никаких городов, хотя о наличии единичных центров можно и догадаться. Эта картина регресса объясняется не только разрушением урартских городов, известным по письменным источникам и иллюстрируемым археологическими раскопками. Причина такого упадка лежит в разгроме и исчезновении самого урартского государства, с которым урартские города были неразрывно связаны.

Носившие чисто династические названия урартские города были основаны урартскими царями, наладившими оросительное дело, воздвигнувшими крепостные стены и храмы, дворцы и другие общественные здания, создавшими целый ряд хозяйственных сооружений, ремесленные мастерские, зернохранилища, кладовые для вина, а также виноградники, фруктовые сады, посевные поля и т. д.² Царский, государственный характер урартского города не мог не отразиться на его судьбе. Поэтому при гибели урартского государства сросшиеся с ним социально, экономически и политически города, лишившись своей опоры, оставшись — в результате разрушений — без системы водоснабжения и ирригационных сооружений, разделили его участь и заглохли. Это обстоятельство нашло наглядное подтверждение в археологических исследованиях.

При раскопках урартского города Тейшебаини, в его расположенных к юго-западу от цитадели кварталах установлено наличие могильников более позднего, послеурартского времени. Группа могил эллинистического времени (в одном из погребений была найдена монета Александра Македонского) была раскопана в 1948 г. А. А. Вайманом³; могилы расположены в самих жилищах города. Такая же картина была выявлена в 1956—1958 гг. А. А. Мартиросяном⁴. Раскрытые им погребения раннеармянского времени также были устроены на полу урартских домов. Могилы как раннеармянского, так и эллинистического времени были обложены по краям камнями, взятыми из построек города. Все это недвусмысленно указывает на упадок города, так как нет сомнения в том, что ко времени ус-

* Доклад, прочитанный на авторско-читательской конференции ВДИ (29 мая — 1 июня 1978 г.).

¹ Г. А. Тирацян, К вопросу о городах Армении доэллинистического времени (VI—IV вв. до н. э.), «Древний Восток, I. Города и торговля», Ереван, 1973, стр. 87—89.

² Г. А. Меликшвили, Наир-Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 334 сл., 340 сл.

³ А. А. Вайман, Г. А. Тирацян, Кармир-блурский некрополь эллинистического времени, ВОНАН, 1974, № 8, стр. 60—70.

⁴ А. А. Мартиросян, Город Тейшебаини, Ереван, 1961, стр. 137 сл.

тройства могильника на этой территории город был уже мертв и сильно разрушен.

Такое же соотношение более позднего могильника с более ранним урартским городом было установлено и в Аргиштихинили. Здесь в городских кварталах и помещениях особняков были раскопаны карасные погребения и погребения, обложенные камнями по бокам⁵. Стратиграфические условия их залегания, а также погребальный инвентарь не оставляют сомнения в их послеурартском, вернее всего эллинистическом происхождении. Мы еще раз видим картину гибели города, превратившегося по существу в могильное поле. По-видимому, со сходным явлением столкнулись археологи и в Ошакане, где в больших, добротных зданиях урартского города было раскрыто множество погребений эллинистического времени: каменные ящики, кувшинные захоронения и т. д.⁶

Однако на фоне упадка городской жизни в послеурартское время обращают на себя внимание веские данные, в том числе и археологические, указывающие на продолжение жизни в некоторых из бывших урартских центров. Эти факты не могут быть обойдены при рассмотрении вопросов генезиса древнеармянских городов. Есть все основания думать, что некоторые явления городской цивилизации эллинистической Армении восходят к урартскому времени, и поэтому вопрос о преемственных связях между урартскими и древнеармянскими городами заслуживает пристального внимания. Эта связь не только топографическая (часть армянских городов возникла на месте урартских), но более глубокая, возможно, структурного порядка.

На продолжение жизни в урартских городах в послеурартское время указывают данные из Эрбуни-Еревана, Тушпы-Вана и Аргиштихинили — его восточной части (Армавир)⁷. По-видимому, до того как Армавир стал столицей армянских Еруандидов (IV—II вв. до н. э.), здесь в ахеменидское время существовал храмовый центр. Об этом как будто свидетельствует и культовый характер Армавира вообще, как в предшествующий — урартский период, так и в последующий — эллинистический⁸. В этой связи следует подчеркнуть, что наличие преемственности между урартским культовым центром и армянским имеет, как нам кажется, в данном контексте большое значение для истории древнеармянских городов.

На историю города в доеруандидское, доэллинистическое время указывает и Мовсес Хоренаци, сообщающий интересные данные об этом древнейшем периоде («История Армении», I, 12—20), к которому могут быть отнесены и некоторые археологические данные (золотая пектораль, керамические изделия, металл), пока еще недостаточные для характеристики культуры этого времени.

Ряд сообщений, в том числе и топографического порядка, позволяют предположить, что Тушпа-Ван остался главным центром Армянского государства VI в. до н. э. и затем Армянской сатрапии⁹. Трехязычная клинописная надпись царя Ксеркса на Ванской скале, рассказывающая о строительных работах, и данные археологии свидетельствуют о существовании Тушпы-Вана в ахеменидское время.

⁵ Он же, Аргиштихинили, Ереван, 1974, стр. 55—58.

⁶ С. А. Е с а я н, А. А. К а л а н т а р я н, Античный некрополь Ошакана, ВОНАН, 1976, № 12, стр. 27—40.

⁷ Т и р а ц я н, ук. соч., стр. 93—97.

⁸ А. А. М а р т и р о с я н, Раскопки Аргиштихинили, СА, 1967, № 4, стр. 225, 227; С. М. К р к я ш а р я н, Заметки о возникновении древнеармянских храмовых городов, ИАНОН, 1963, № 9 (на арм. яз.), стр. 55 сл.

⁹ С. Т. Е р е м я н, К вопросу об этногенезе армян, «Вопросы истории», 1952, № 7, стр. 103.

Наиболее богатым остатками послеурартского, ахеменидского времени оказался урартский центр Араратской долины — Эребуни. Остатки архитектурных сооружений и археологические находки явно указывают на продолжение жизни в послеурартский, ахеменидский период ¹⁰.

* * *

Вступившая вместе с другими эллинистическими странами Передней Азии на путь экономического прогресса, Армения вскоре покрывается сетью городских центров. Оживление городской жизни в Армении, переходящее в настоящий урбанистический взрыв, наблюдается начиная с III в. до н. э. Новая информация, доставленная археологическим изучением древнеармянских городов, способствует пониманию важных аспектов урбанизации древней Армении. В ходе археологических работ был окончательно локализован ряд городов Армении эллинистического времени (Армавир, Аршамашат, Ерундашат, Арташат, Валаршапат). Раскопками или разведочными работами были подтверждены данные письменных источников о местоположении цитаделей упомянутых выше городов, уточнены городские территории, определены их приблизительные границы.

А р м а в и р. Дюбуа де Монпере, французский путешественник, посетивший в 30-х годах прошлого столетия Армавир отметил здесь остатки стен цитадели, а отсутствие следов городских кварталов на равнине он объяснял тем, что постройки здесь были гниобитными ¹¹. От самого города, лежавшего вокруг холма, сохранились, по его замечанию, только некоторые остатки каменных зданий. Если даже они действительно принадлежали древнему городу, то вскоре исчезли вовсе. Экспедиции, впоследствии производившие в Армавире работы разведочного характера (1880, 1892, 1927 гг.), уже не находили никаких следов города ¹².

Вопрос о научном исследовании собственно города был поставлен лишь после начала систематических раскопок Армавира ¹³. Хотя по сравнению

¹⁰ К. Л. О г а н е с я н, Архитектура Эребуни («Арин-берд», I), Ереван, 1961; Г. А. Т и р а ц я н, Колонный зал на Арин-берде и вопрос о сатрапских центрах на Армянском нагорье, ИАНОН, 1960, № 7—8 (на арм. яз.), стр. 99—114. Изучение отрывка о Вардгесе-воине, сохраненного в «Истории Армении» (II, 55) Мовсеса Хоренаци привело А. Ш. Мнацаканяна к выводу о том, что в VII—VI вв. до н. э. на месте более раннего урартского поселения у современного города Эчмиадзин, что в Араратской равнине, возник город Артимед, ставший столицей новооснованного армянского царства (А. Ш. Мнацаканян, Заметки об эпическом отрывке о «Вардгесе Мануке», ИФЖ, 1975, № 2 (на арм. яз.), стр. 215 сл. По нашему мнению, подчеркнутый эпический характер отрывка не дает право для таких решительных выводов. Трудно представить себе, что в условиях общего упадка городской жизни в начале VI в. до н. э. в Армении мог возникнуть новый город. И хотя название города можно этимологизировать на основе древнеиранских языков: «селение Артовское» (Arta-meša) (Мнацаканян, ук. соч., стр. 225 и устное сообщение В. А. Лившица), что позволяет допустить существование здесь какого-нибудь древнего поселения, мы больше склонны присоединиться к высказанному давно мнению о связи названия города, кстати отождествляемого с древним Валаршапатом, с именем древнегреческой богини Артемиды (Г. А. Тирацян, К вопросу о градостроительной структуре и топографии древнего Валаршапата, ИФЖ, 1977, № 2, стр. 84—85).

¹¹ F. D u b o i s d e M o n t p r é g e u x, Voyage autour du Caucase, chez les tscherkesses et les abchases, vol. III, P., 1839, стр. 418 сл.

¹² А. С. У в а р о в, Исследование местности, на которой предполагались развалины Армавира, «Протоколы подготовительного комитета V археологического съезда в Тифлисе», Тифлис, 1882, стр. 439—440; Отчет Н. Я. Марра в «Отчете Археологической комиссии за 1892 год», стр. 84; С. В. Т е р - А в е т и с я н, Археологическое обследование городища и крепости древнего Армавира, «Научный сборник, посвященный 20-летию установления Советской власти в Армении», Ереван, 1941, стр. 51—64.

¹³ Б. Н. А р а к е л я н, О некоторых результатах археологического изучения древнего Армавира, ИФЖ, 1969, № 4, стр. 157 сл.

с раскопками цитадели в этом отношении сделано мало, имеющиеся результаты позволяют сделать некоторые выводы. Город тянулся в основном в западном направлении, занимая пространство между Армавирским холмом и его отрогами — на востоке, руслом реки Аракс — на юге и восточным краем Норармавирских холмов — на западе. Северная граница города определяется с трудом, но она не должна была находиться слишком далеко от Армавирского холма. К югу от холма находится культовый комплекс города и, возможно, сама платановая роща, служившая прорицалищем (Мовсес Хоренаци. «История Армении», I, 20). На такое местоположение культового центра как будто бы намекают находимые здесь греческие надписи конца III в. до н. э.

При обследовании подступов к холму, а также территории, простирающейся на расстоянии примерно 1 км к западу от цитадели, были найдены черепки эллинистического времени. Особенно показательна концентрация этой керамики (в частности, характерной расписной) на небольшой возвышенности на расстоянии 600—700 м к юго-западу от холма, вблизи высохшего русла реки. На этой территории, где в настоящее время расположены пашни и виноградники, разведочными раскопками и шурфами были выявлены (на глубине 0,80—1,40 м) каменные основания стен (ширина около 1 м) жилищ, а также керамический материал, имеющий определенное сходство с найденными на самом холме черепками. Более показательные находки были сделаны норармавирской экспедицией АН АрмССР (руководитель А. А. Мартиросян) у восточного конца Норармавирской гряды холмов вблизи излучины действующего канала, протекающего у селения Джрашен¹⁴. Здесь на западной окраине эллинистического города обнаружены каменные основания жилищ. Первичное обследование позволяет говорить об их прямоугольном плане, что вполне соответствует планировке жилищ эллинистического времени на западном участке цитадели Армавира. Таким образом, мы получаем первые, хотя и самые общие сведения об архитектуре городских строений. На этом участке выявлен большой и интересный материал. Обращают на себя внимание пристроенные к стенам жилищ оточительные очаги-камины, напоминающие очаги поселения эллинистического времени Карчах-пюр на южном побережье Севана (раскопки И. А. Карапетян), и камин эллинистического города в Ай-Хануме, раскопанного французскими археологами в Афганистане¹⁵. Здесь же была обнаружена виноградная давящая машина домашнего пользования, состоящая из тарапана (плиты для выжимания виноградного сока) и каменного чана средних размеров. Давящая машина находит очень большие аналогии не только в Северном Причерноморье и в других частях античного мира¹⁶, но и в самой Армении (Двин, Кахцрашен)¹⁷.

Керамика с территории города легко поддается классификации, и выявляется полное совпадение форм с керамикой Армении эллинистического времени (прежде всего керамика Армавирской цитадели, Гарни, Арташата и т. д.). Это — чаши-фиалы с профилированными венчиками, полусферические чаши, сосуды с профилированным носиком, узкогорлые кувшинчики, фляги с равномерно вздутыми стенками и большие сосуды типа гидрий. Примечательной особенностью, имеющей немаловажное значение для датировки всей этой коллекции, является роспись, покрывающая ке-

¹⁴ Мартиросян, Аргштихинили, стр. 58—69.

¹⁵ P. Vergard, Campagne de fouilles 1969 à Ai-Khanum en Afganistan, CRAI, 1970, Avril-Juin, рис. 7; он же, Fouilles d'Ai-Khanum, I, P., 1973, табл. 83b, 84a, b.

¹⁶ В. Ф. Гайдукевич, Виноделие на Боспоре, МИА, № 85, 1958; И. Т. Кругликова, Сельское хозяйство Боспора, М., 1974, стр. 192 сл.

¹⁷ Г. Г. Кочарян, Тарапан производственного значения, обнаруженный в Двине, ВОНАН, 1978, № 2 (на арм. яз.), стр. 95—98.

рамику. Она нанесена по светлому ангобу охристого, кремowego или красного цвета, по которому коричневой, красной краской выведены различные узоры: от самых простых — в виде поясков, до сложных — геометрического и растительного характера.

В свете этих данных требует более серьезного обоснования попытка определить область распространения города к северу от Армавирского холма. Данные, на которых основывалась эта попытка, связаны с находками в селении Бамбакашат, к северо-западу от большого армавирского холма¹⁸. Эти находки, не подвергшиеся научной фиксации и не изданные, известны больше по устным сообщениям крестьян и поэтому лишены существенной ценности для датировки и тем более для ответственных выводов, касающихся направления распространения города. Если даже согласиться, что «разрушенное в свое время маленькое всхолмление в селе Бамбакашат, включающее в себя руины от построек, базы от колонн и другие архитектурные детали, колоссальные карасы, фрагменты сосудов смешанного урарто-ахеменидского типа и даже большое количество золотых изделий»¹⁹, можно относить к ахеменидскому или эллинистическому времени, то это еще не доказывает распространения города в северном направлении, особенно если учесть отсутствие каких-либо находок между указанным всхолмлением и обследованной частью города. Итак, всхолмление с перечисленным материалом может в лучшем случае свидетельствовать о наличии на этом месте, т. е. на расстоянии 2 км к северу от города и его цитадели небольшого имения или поселения, входившего в состав городской округи.

Итак, даже имеющиеся у нас скудные данные, но полученные в ходе целенаправленных археологических раскопок, пусть даже разведочного характера, позволяют определить продольную ось города с востока на запад. К востоку же от холма цитадели, куда, по всей вероятности, доходили воды Аракса, находились основные обрабатываемые земли эллинистического города.

Цитадель эллинистического времени. Одним из самых важных результатов проведенных на Армавирском холме раскопок может считаться установление того факта, что урартская цитадель была с успехом использована в эллинистическое время. Оборонительные сооружения, дворцовые здания, храмы, даже жилые помещения после некоторых переделок стали служить новым хозяевам. Это означает также, что вышеупомянутые сооружения оставались в целом невредимыми в послеурартский период. В силу этих обстоятельств, а также благодаря стратегическим качествам самого холма в начале 20-х годов IV в. до н. э. (т. е. после битвы при Гавгамелах) Армавир был провозглашен столицей новооснованного армянского царства Еруандидов (Оронтидов), чем было предопределено его дальнейшее развитие как городского центра.

Крепостные стены, окружавшие цитадель, не были подвергнуты переделкам. Возможно, что местами была восстановлена сырцовая кладка верха стен, хотя относящийся к урартскому времени участок сырцовой кладки у западной стены изнутри не хранит следов каких-либо изменений. Только в северо-западной части холма вниз по склону была воздвигнута полукруглая башня²⁰, поскольку эта часть цитадели, где, кстати сказать, находился вход, была наиболее доступной из-за соседствующих высот, откуда легче вести наступательные действия против цитадели. Башня безусловно относится к послеурартскому, эллинистическому времени. Об

¹⁸ Мартиросян, Аргштихинили, стр. 55.

¹⁹ Там же.

²⁰ Аракелян, ук. соч., стр. 163.

этом свидетельствует характер скрепления камней в кладке. Камни имеют у концов углубления в виде так называемых ласточкиных хвостов, куда вставлялись металлические или каменные скрепы, соединяющие камни друг с другом. Эта особенность строительной техники в Армении характерна именно для эллинистической эпохи ²¹.

На самом холме внутри цитадели имеются несколько зданий, использовавшихся тогда же. На самой вершине холма раскопками оговорено большое здание, господствующее положение которого позволяет видеть в нем храмовое сооружение. К сожалению, здание несколько раз подвергалось переделкам (последние относятся к средневековью), исказившим первоначальный его облик. Сохранившиеся в восточной части квадраты с углублениями в виде ласточкиного хвоста показывают, что и это здание было использовано в эллинистическое время, в связи с чем его восточная часть была несколько переделана. До основательного изучения здания трудно вынести какие-нибудь окончательные суждения, но было бы очень интересно усмотреть в нем храм эллинистического времени, использовавший соответствующую урартскую постройку. По-видимому, продолжали функционировать в эллинистическое время и два больших здания дворцового типа (одно состоящее из пяти помещений, другое из трех) в восточной части крепости ²². Сделанные здесь находки со всей очевидностью показывают, что здания были обжиты в последующие века. В одном из помещений, в котором в урартское время были вкопаны карасы, хорошо видны следы поздних переделок ²³: верхние части разбитых карасов были срезаны, пол выровнен, а комната была вторично использована, о чем свидетельствуют найденные здесь черепки эллинистического времени. Расположение зданий, их удобная ориентация по странам света (особенно пятикомнатного здания) не исключают возможности усмотреть в них дворцовые сооружения, царские покои армянских Еруандидов.

Помещение эллинистического времени зафиксировано также у западных крепостных стен, снаружи ²⁴. Здесь еще в урартское время была устроена комната с карасами. В эллинистическое время верхние части карасов были срезаны, пол выровнен, а помещение превращено в кухню. Раскопками выявлено также много керамики явно эллинистического времени, образующей довольно толстый слой.

Богатый археологический материал эллинистического времени найден на западном склоне Армавирского холма на участке между двумя западными урартскими оборонительными степами. Здесь зафиксированы многочисленные следы жилищ эллинистического времени. Разный уровень их залегания позволяет выделить несколько строительных периодов ²⁵.

А р ш а м а ш а т. Местоположение этого города, столицы Софено-Коммагенского царства, указано у Полибия: «в так называемой Прекрасной равнине между Евфратом и Тигром» (VIII, 25). Согласно же Плинию, Аршамашат находился очень близко от Евфрата-Арацани (VI, 10). Мнения ученых о точном местонахождении города Западной Армении Аршамашата не сходятся, поэтому следует согласиться с акад. Я. А. Манандяном, который писал: «Для окончательного выяснения точного места Аршамашата необходимо, несомненно, произвести топографические и археологи-

²¹ Г. А. Тирацян, Новые археологические материалы послеурартского времени на территории Западной Армении (Турция) и их место в истории древнеармянской культуры, «Древний Восток», 2, Ереван, 1976, стр. 149 сл.

²² А р а к е л я н, ук. соч., стр. 163.

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. 166.

²⁵ Г. А. Тирацян, Археологические работы в Армавире, ВОНАН, 1973, № 5 (на арм. яз.), стр. 98—99.

ческие изыскания в районе между Харпутом и Балу»²⁶. Раскопки были произведены здесь совсем недавно — в связи со строительством Кабанской плотины и до затопления широкой территории вдоль как собственно Евфрата, так и его восточной крупной ветви Арацани (Мурад-су). Особого внимания заслуживают раскопки двух холмов, расположенных на южной стороне Арацани (Восточный Евфрат): Ашван в западной части Харбердской равнины и Шимшат — в восточной.

Шимшат-калеси лежит у самого берега Арацани, близ селения Хараба между Элязигом и Палу. Проявленный к нему интерес обусловлен как самим обнаруженным здесь археологическим материалом, так и названием холма, позволяющим отождествлять его с древнеармянским Аршамашат-Арсамосатой античных авторов²⁷. Этим отождествлением может быть подтверждено мнение В. Томашека о локализации города на левом берегу Восточного Евфрата на месте развалин около античного селения Хараба²⁸.

Холм, омываемый водами Восточного Евфрата и господствующий над равниной по обеим сторонам реки, ввиду своей стратегически выгодной позиции вполне мог служить местом для цитадели эллинистического города, каким был Аршамашат. Древнейшие слои холма датируются хеттским и урартским временем, часть открытых на холме стен, вернее их фундаментов, может быть отнесена к эллинистическому и римскому периодам. Особого внимания заслуживают остатки (несомненно эллинистического времени) прямоугольной в плане башни оборонительной стены цитадели. Башня сложена из прямоугольных хорошо обработанных камней средней величины без раствора. Значение ее для изучения архитектуры и строительного дела Армении эллинистического времени очень велико.

Среди археологических находок на холме преобладают предметы III в. до н. э. — III в. н. э.²⁹ Фрагмент чернолакового сосуда с поясками черного и коричневого цвета происходит из Аттики и датируется раннеэллинистическим временем (IV—III вв. до н. э.). Это — один из первых образцов аттического импорта на Армянском нагорье. К тому же или несколько более позднему времени относятся глиняный веретенообразный балъзамарий и глиняные светильники. Фрагмент чаши-фиалы связывается Эгюном с фригийской керамикой, хотя она имеет многочисленные аналогии среди археологического материала городов и крепостей Армении эллинистического времени. Чаши-фиалы с перехватом, округлым дном и расходящимся венчиком представляют собой одну из основных форм древнеармянской керамики.

К первым векам н. э. относятся фрагмент краслощенного блюда и светильник.

Е р у а н д а ш а т. Мовсес Хоренаци сообщает о причинах, побудивших последнего царя из династии Еруандидов перенести столицу из Армавира в Еруандашат. В их числе немаловажную роль сыграло отмеченное историком удаление реки от городских построек Армавира. Очевидно, постоянное изменение русла реки очень мешало бесперебойному функционированию каналов, доставлявших городу и его полям воду. Хотя археологические раскопки западного склона Армавирского холма недвусмысленно указывают на продолжение жизни в Армавире и после III в. до

²⁶ Я. А. М а н а н д я н, О торговле и городах Армении, 9-е изд., Ереван, 1954, стр. 33.

²⁷ В. О г ü н, Haraba Excavations. 1969, «Keban Project 1969 activities», Ankara, 1971 («Middle East Technical University, Keban Project Publications», Series 1, № 2), стр. 43—46.

²⁸ В. Т о м а с ч е к, Sassun und das Quellengebiet des Tigris, Wien, 1895, стр. 31.

²⁹ О г ü н, ук. соч., табл. 40, 2, 3; 41, 3.

н. э., фактом остается то обстоятельство, что в последней четверти III столетия возникает новый престольный город Еруандашат. Местоположение города Еруандашата долгое время было предметом споров. Сейчас установлено, что его надо искать у слияния Аракса с его левобережным притоком Ахурьяном (Арпачай), на северном берегу Аракса и восточном берегу Ахуряна. Хотя на предполагаемой территории города раскопки не производились, но посетившие ее в последние годы археологи, архитекторы и историки с определенностью установили наличие развалин древнего города, его оборонительных сооружений, улиц и домов у слияния двух рек (Аракс и Ахурян) по левому берегу каждой из них ³⁰.

Прежде чем перейти к описанию и осмыслению самих архитектурных остатков города, следует кратко остановиться на данных Мовсеса Хоренаци («История Армении», II, 39), представляющих некоторый интерес для локализации города. Историк различает акрополь и город. Акрополь по его словам, был расположен на скалистом холме, вокруг которого извиивается Аракс, а по противоположной стороне течет река Ахурян. Хоренаци сообщает, что Еруанд обвел холм стенами и во многих местах прорезал скалы ниже фундамента стен до основания холма в уровень с рекой, чтобы воды реки могли стекать в вырытое углубление для нужд жителей. Как справедливо указывает В. М. Арутюнян, «тут мы имеем прямое указание о наличии в пределах крепостных стен города специальных водохранилищ, наполняемых водами реки» и «из того же соображения можно сделать вывод, что город имел оборонительные стены и со стороны реки» ³¹. «Вышгород, — по словам Мовсеса Хоренаци, — царь укрепляет высокими стенами, в середине которых утверждает медные ворота и чугунную лестницу снизу до самой двери. Между ступенями последней устраивает какие-то потаенные западни, в которые мог бы быть пойман тайком пробирающийся по ним для покушения на жизнь царя» («История Армении», II, 39). Возможно, что упомянутые историком чугунные (железные) лестницы, ведущие к медным воротам стены, были переносными, чтобы в случае необходимости их можно было бы убрать. Картина, нарисованная Мовсесом Хоренаци, конечно, не раскрывает подлинный облик огромного города. Его можно будет узнать лишь после геодезической съемки города и его археологического изучения, но уже сейчас по развалинам города можно представить себе некоторые его особенности.

По-видимому, Еруандашат в целом занимал более неприступное, по сравнению с Армавиром, место, хотя стратегические достоинства Армавирского холма хорошо известны. Просторная возвышенность, на которой находился Еруандашат, обращалась скалистыми обрывами к руслам рек, защищающих ее с двух сторон. С третьей стороны равнина граничила с высокими холмами, затруднявшими доступ к городу. Дорога в город шла главным образом по ущелью реки Аракс. Город был расположен на двух террасах, одна обширная — повыше, другая — пониже, вдоль реки, значительно выше ее уровня. Создается впечатление, что мы имеем дело с двумя частями города: нижним и верхним. Город был опоясан длинными крепостными стенами с башнями, следы которых видны во многих местах. Толщина их 2—2,5 м и сложены они из необработанных глыб. Наблюдения показывают, что внутри города несколько толстых стен, параллельных руслу Аракса, делили город на ряд участков-кварталов. Не исключена возможность, как это предполагает Б. Н. Аракелян, что эти кварталы связаны с переселениями эллинистического населения из соседних стран,

³⁰ Б. Н. Аракелян, Где находились города Еруандашат и Еруандакерт? ИФЖ, 1965, № 3, стр. 83 сл.

³¹ В. М. Арутюнян, К вопросу о градостроительной культуре древней Армении, ИАНОН, 1955, № 9, стр. 55.

предпринятыми при Тигране II и Артавазде II ³². Нижний город был хорошо застроен. Следы различных зданий видны на всей его территории. Интересен фундамент большого здания с контрфорсами и угловыми выступами.

Особенно богат строительными остатками верхний город. Четко виднеются улицы, по обеим сторонам которых расположены развалины зданий. Обращает на себя внимание здание из огромных необработанных глыб: особенность его плана — выступающие углы. По всей вероятности город возник на прибрежной территории, находившейся в стратегически наиболее выгодном положении. Вопрос о вышгороде решается не сразу. Возможно, он располагался на возвышенности или на возвышенностях в юго-западной части города у реки Ахурян. На макушке видны были сложенные из больших необработанных камней стены, которые местами достигали высоты в 4—5 м ³³. Остатки таких же стен видны и по склонам. Неоднократные обследования развалин Еруандашата приводят к заключению, что это был огромный город. Из письменных источников видно, что он существовал более 500 лет. Как известно, Еруандашат, как и остальные города Армении, был основательно разрушен в 60-х годах IV в. персами, а население города угнано в Персию. Жизнь возобновилась здесь уже в эпоху зрелого средневековья, о чем свидетельствуют памятники этого времени, разбросанные на территории бывшего города.

Точно определенные хронологические границы эллинистического города (город основан в самом конце III в. до н. э. и разрушен в 60-х годах IV в. н. э.), казалось, должны были бы облегчить задачу исследования памятника. Однако все же ряд особенностей архитектуры и строительного дела не исключает возможности существования здесь, на этом месте, крепости и поселения доурартского и урартского времен. Археологические раскопки могли бы помочь разграничить доантичное от античного.

А р т а ш а т. Следует сказать, что уже до начала систематических раскопок в Арташате в 1970 г. был сделан ряд важных открытий, позволяющих говорить о самом городе более решительно. Хотя территория города в общем оказалась не затронутой раскопками, работы в цитадели, а также в некрополях города также позволяют коснуться намного определеннее, чем когда-либо, вопросов градостроительства Арташата. В этой связи имеется возможность впервые определить городскую территорию, указать ее примерные границы. Этому способствует ряд обстоятельств, с некоторыми из них следует познакомиться подробнее.

В 1967 г., примерно на 2,5 км северо-восточнее хорвирабских холмов, т. е. цитадели города, на южной окраине селения Покр-Веди, куда, по всей вероятности, доходили кварталы древнего города, случайно был сделан ряд важных находок, среди которых выделяется большая латинская надпись императора Траяна ³⁴. Следы обитания имеются и на двух холмах к востоку от цитадели, в непосредственной близости от теперешнего селения Лусарат. Эти данные показывают, что древний город тянулся в основном к востоку и северо-востоку от Хорвирабских холмов, образовавших в древности цитадель города. Его южную границу составляла река Аракс, восточная доходила до теперешнего селения Лусарат и до пашен селения Нор-Кянк, северо-восточная — до селения Покр-Веди. На запад от цитадели город не распространялся из-за заболоченности местности. Здесь на возвышенностях открыты погребения, современные существованию города

³² А р а к е л я н, Где находились города..., стр. 92.

³³ Т. Г о р а м а н я н, Материалы по истории армянской архитектуры, т. I, Ереван, 1942 (на арм. яз.), стр. 284.

³⁴ Б. Н. А р а к е л я н, Латинские надписи из древней столицы Армении Арташат, ИФЖ, 1967, № 4 (на арм. яз.), стр. 302 сл.

и составляющие отдельный некрополь. Обнаруженные некрополи города, их расположение тоже помогают правильному пониманию вопроса о его территории. Восточный и юго-восточный некрополи, не говоря уже о том, что упомянутом западном, находились за городской чертой, иногда на довольно большом расстоянии (могильник у селения Шираз к юго-востоку от Арташата)³⁵.

Для правильного понимания городского организма, его архитектурно-планировочной структуры следует упомянуть и о вышгороде Арташата, примечательном своей величиной и сложной системой оборонительных сооружений³⁶. Обследованием местности, а затем раскопками окончательно установлено, что вышгород был расположен на Хорвирабских холмах. Эти холмы благодаря стратегически выгодному положению привлекли внимание еще урартских царей. Найденный на холмах археологический материал³⁷ показывает, что, по-видимому, после основания Эребуни урарты овладели и южной частью Араратской равнины.

Работа по локализации древнеармянских городов при помощи археологических и топографических исследований позволяет, как мы увидели, определить приблизительные границы городской территории и таким образом установить ориентировочную площадь города. По самым предварительным расчетам Армавир занимал 100—150 га, Еруандшат — несколько сот га, Арташат — около 500 га. Хотя приблизительный характер этих данных не подлежит сомнению, не лишено интереса их сравнение с соответствующими данными эллинистических городов.

Ниже приводятся сведения о площади эллинистических городов, позволяющие лучше оценить размеры армянских городов. Селевкия на Тигре занимала 544 га³⁸, Апамея на Оронте — 205 га, Лаодикея у моря — 220 га³⁹, Афины (эллинистического времени) — 220 га, Милет — 100 га⁴⁰, Ай-Ханум (верхний город) — 228 га⁴¹. Эти сравнительные цифры показывают, что города Армении, если даже считать данные об их площади завышенными, были соразмерны городам эллинистического мира.

Ряд данных как будто позволяет утверждать, что древнеармянские города были основаны по всем правилам эллинистического градостроительства. Артаксата-Арташат, например, был назван по имени царя-основателя, основан при помощи синоикисма, как об этом сообщает Страбон⁴², а предоставленные горожанам льготы при строительстве города наводят на мысль о наличии здесь института литургии⁴³.

В этой связи большое значение приобретают вопросы о планировке города, о его характере, а также об истоках, лежавших в основе принципов планировки. К сожалению, археологические раскопки, ограничивающиеся до сих пор только изучением цитаделей, а не собственно городских территорий, не дают окончательного ответа на эти вопросы. Однако некоторые данные показывают, что древнеармянские города должны были иметь определенную планировку. «Внешний вид, например, города Арташата, —

³⁵ Ж. Д. Х а ч а т р я н, Кремадия в Армении (II в. до н. э. — III в. н. э.). ВОНАН; 1973, № 4 (на арм. яз.), стр. 59.

³⁶ Б. Н. А р а к е л я н, Древний Арташат, Ереван, 1975 (на арм. яз.), стр. 13 сл.

³⁷ Там же, стр. 15.

³⁸ G. G u l l i n i, Un contributo alla storia dell'Urbanistica (Seleucia sul Tigri), «Mesopotamia», II, Torino, 1967, стр. 142.

³⁹ J. L a u f f r a y, L'urbanisme antique en Proche Orient, «Actes du Deuxième Congrès International des Etudes classiques», vol. IV, Copenhagen, 1958, стр. 12.

⁴⁰ А. В. Б у н и н, История градостроительного искусства, т. I. М., 1953, стр. 52.

⁴¹ Б. Я. С т а в и с к и й, Искусство Средней Азии, М., 1974, стр. 35.

⁴² С. М. К р к я ш а р я н, Очерки истории городов древней Армении и Малой Азии, Ереван, 1970 (на арм. яз.), глава VI.

⁴³ Г. Х. С а р к и с я н, Тигранакерт, М., 1960, стр. 69—70.

пишет Г. Х. Саркисян, — давал основание утверждать Плутарху (если тот сам видел его, или, в противном случае, его источнику), что Арташат в свое время был построен по единому плану». «Если это действительно так, — продолжает автор, впервые обративший внимание на этот аспект сведений греческого историка, — то за образец могла быть взята только планировка эллинистических полисов, поскольку урартские города уже давно исчезли с лица земли»⁴⁴. Строительство Арташата приписывается карфагенянину Ганнибалу, перешедшему после победы римлян над Антиохом III (190 г.) ко двору армянского царя Артаксия. По словам Плутарха, Ганнибал здесь «приметил местность чрезвычайно удачно расположенную и красивую, но лежащую в запустении, и, сделав предварительные наброски для будущего города, позвал Артаксия, показал ему эту местность и убедил застроить ее. Царь остался доволен и попросил Ганнибала, чтобы тот сам взял на себя надзор за строительством. Возник большой и очень красивый город, которому царь дал свое имя и провозгласил его столицей Армении» (Plut., Luc. 31, пер. С. А. Аверинцева). Почти все исследователи, начиная с Т. Моммзена, полагают, что участие Ганнибала в основании и постройке столицы Арташата и самое пребывание его в Армении крайне сомнительны⁴⁵. Однако авторы некоторых недавних работ считают сомнения в достоверности этого предания неоправданными⁴⁶. Но независимо от того, был или не был Ганнибал в Армении и содействовал ли он основанию Арташата или нет, сообщение Плутарха имеет немаловажное значение для понимания некоторых новых, ранее не отмеченных эллинистических черт градостроительной культуры Армении.

В рассматриваемом отрывке Плутарха отразилась, по нашему мнению, не только практика эллинистического (да и всякого) урбанизма, уделявшая большое внимание выбору мест, но и градостроительные идеи, концепции, восходящие, как это было показано недавно Г. А. Кошеленко, к теории «идеального» полиса Аристотеля и зафиксированные в труде Витрувия⁴⁷. Под этим углом зрения данные Плутарха об основании Арташата представляются особенно интересными. Выбору места уделено должное внимание, сжато охарактеризованы интересующие эллинистическую урбанистическую мысль основные условия строительства нового города. При внимательном рассмотрении данные Плутарха или, вернее, критерии, определявшие выбор места для Арташата, сводятся в конце концов к трем компонентам (практических удобств, требований обороны, а также эстетики), восходящим к градостроительным концепциям «идеального» полиса V—IV вв. до н. э. и использовавшимся в градостроительной практике эллинистического времени, хорошо известным и царям и их советникам⁴⁸.

В основе планировки эллинистических полисов лежит канонизованный еще в V в. до н. э. архитектором Гипподамом из Милета принцип «сетки», состоящей из пересекающихся под прямым углом улиц⁴⁹. Возможно, этот

⁴⁴ Там же, стр. 42.

⁴⁵ М а н а н д я н, О торговле и городах Армении, стр. 50; Саркисян, ук. соч., стр. 42.

⁴⁶ J u r i a n, Hannibal, Praha, 1967, стр. 128; И. Ш. К о р а б л е в, Ганнибал, М., 1976, стр. 319 сл.

⁴⁷ Г. А. К о ш е л е н к о, Градостроительная структура «идеального» полиса. (По Платону и Аристотелю), ВДИ, 1975, № 1, стр. 20 сл.

⁴⁸ Там же, стр. 17, 18.

⁴⁹ Идея регулярной планировки приписывалась милетскому архитектору Гипподаму. Сейчас доказано, что она возникла намного раньше. Города с упорядоченным планом встречаются уже в архаическую эпоху. Развитие в греческом мире градостроительства, связанного с колонизационной деятельностью, способствовало распространению такой планировки. Археологическими раскопками установлено, что Смирна была вновь застроена в VII в. до н. э. по единому плану, в основе которого лежали пересекающиеся под прямым углом параллельные друг другу улицы (В. Д. Б л а в а т с к и й, Антич-

широко применявшийся в эллинистическом градостроительстве принцип был усвоен армянскими градостроителями. Однако это еще не дает оснований для полного отрицания всех древневосточных, урартских истоков. Г. Х. Саркисян, считая планировку древнеармянских городов эллинистической, вынужден констатировать (цитируя Унгера), что «внешний вид Вавилона позволяет судить о том, что уже старый Вавилон задолго до того как греки начали планомерное строительство своих городов был создан по плану. Улицы пересекались под прямым углом и т. д. То же самое можно сказать об урартских городах, в частности, о Тейшебаини (Кармир-Блур)»⁵⁰. Как мы уже видели, данные археологических раскопок действительно подтверждают, что большинство урартских городов было окончательно разрушено, но кое-где, в Тушпе-Ване, в Эребуни, Аргиштихинили-Армавире жизнь продолжалась, и традиции урартского градостроительства могли оказаться живучими. Ч. Барнеем и Дж. Лоусоном были обнаружены развалины города к северу от Ванского озера у местности Зернаки-Тепе⁵¹. Доследование местности К. Ниландером показывает, что, по всей вероятности, речь идет об урартском городе, о чем позволяет говорить и сама цитадель. Характерна планировка города с улицами, пересекающимися под прямым углом, жилыми кварталами, образующими прямоугольные массивы⁵².

Наличие такого города позволяет пристальнее приглядеться к вопросу о возможном влиянии урартских градостроительных принципов на градостроительство Армении (сетчатый план имеют еще урартские города около Анзафа, недалеко от Ванского озера и Дучаги в Иранском Азербайджане).

На неполную зависимость градостроительства древней Армении от эллинистической цивилизации как будто указывает и другой весьма важный факт, связанный, как ни странно, с городом, призванным быть значительным проводником эллинистической культуры в Армении. Говоря о строительстве Тигранакерта Тиграном II, царем Армении, Аппиан сообщает: «В предместье города он воздвиг дворец с большими парками, охотни-

ный город, в сб. «Античный город», М., 1963, стр. 11—12; Lauffrau, ук. соч., стр. 20—21; J. B. Ward-Perkins, *Cities of Ancient Greece and Italy: planning in classical antiquity*, N. Y., 1974, стр. 11). Ранние, предшествующие по времени «изобретению» Гипподама примеры регулярной планировки имеются на древнем Востоке (Gullini, ук. соч., стр. 160). Среди городов Двуречья обращает на себя внимание Вавилон, построенный по единому плану. Нельзя в этой связи не вспомнить геродотовское описание Вавилона (I, 80), выявляющее регулярный характер его планировки (P. Lampl, *Cities and Planning in the Ancient Near East*, L., 1968, рис. 35, 58; Ward-Perkins, ук. соч., стр. 11). По мнению некоторых исследователей, такими же отличительными чертами характеризовалась столица древнефритгийского царства Гордион (H. Deger, *Griechische Baukunst in geometrischer Zeit*, Göttingen, 1969, («Archaeologia Homerica», стр. 99). Интересные примеры регулярной планировки имеются также в Египте Среднего царства (Жахун, эль-Амарна — Lampl, ук. соч., рис. 65, 66; Deger, ук. соч., стр. 99). Таким образом, ранние истоки принципов регулярной планировки, в основе которой лежали бы пересекающиеся под прямым углом улицы и прямоугольные жилые массивы, не подлежат сомнению. Предметом споров, однако, продолжает оставаться вопрос о том, где эти принципы были разработаны и воплощены впервые — на древнем Востоке или в эгейском мире (Deger, ук. соч., стр. 99; Lauffrau, ук. соч., стр. 20, 24). Для нашей темы, нам кажется, важно, что древний Восток, включая сюда и Урарту (Lampl, ук. соч., стр. 47—48 и 114; W. Kleiss, *Urartäische Architektur. Urartu, Ein Wiederentdeckter Rivale Assyriens. Katalog der Ausstellung*, München, 1976, стр. 39), был знаком с принципами регулярной застройки городов, нашедшими впоследствии широкое применение в эллинистическом мире (Ward-Perkins, ук. соч., глава 4: *The Cities of Hellenistic Asia Minor and Syria*, рис. 7, 11, 13, 20, 22).

⁵⁰ Саркисян, ук. соч., стр. 62, прим. 45.

⁵¹ Ch. Burney, G. Lawson, *Measured Plans of Urartian fortresses*, «*Anatolian Studies*», X, 1960, стр. 185—188.

⁵² C. Nylander, *Remarks on the Urartian Akropolis at Zernaki Tepe*, «*Orientalia Suecana*» (1965—1966), XIV, XV, Uppsala, 1966, рис. 1.

чьими ловами и озерами. Рядом было воздвигнуто сильное укрепление» (Mithr. 84). Расположение цитадели и тем более царского дворца вне городских стен, в предместье города — явление не совсем обычное. Царский дворец Еруандидов находился в цитадели на Армавирском холме, дворец Арташесидов, а затем Аршакидов в Арташате находился на Хорвирабском холме цитадели, дворец Аршакидов в Валаршапате также засвидетельствован в цитадели. Во всех приведенных примерах цитадель с дворцом находится в общей черте города. В. М. Арутюнян, отмечая обособленное положение тигранакертского дворца, дает следующее объяснение этому обстоятельству: «Надо полагать, что исключительная живописность местности, ее благоприятные естественные условия вынудили Тиграна построить свой дворец вне городской территории. Возможно и то, что он вынужден был пойти на это из-за неблагонадежности городского населения, в этническом отношении представлявшего исключительную пестроту»⁵³. Не отрицая правдоподобности такой интерпретации сообщения Аппиана, считаем тем не менее возможным предложить и другое объяснение.

Строительство царских дворцов, окруженных парками, озерами, охотничьими загонами практиковалось на древнем Востоке, но особенно распространено было в ахеменидском Иране. Дворцовые комплексы вышеописанного характера были частыми спутниками ахеменидских центров, царских или сатрапских. Засвидетельствованы они, как мы постарались показать, и в сатрапской Армении⁵⁴.

Довольно обильный материал, почерпнутый главным образом из сочинений Ксенофонта, показывает, что дворцы сатрапов и прочих правителей были окружены парками (парадисами), садами, лесами, разными заповедниками, водоемами и т. д. Не исключена возможность, что, выведя свой дворец, а также замок из стен города⁵⁵, Тигран возвращался к старой практике обособленных, но вместе с тем окруженных разными угодами резиденций, характерных для ахеменидского времени. Этот восточный характер упомянутого явления был подмечен, хотя совсем в ином плане, еще Т. Моммзенем, когда он писал «о дворцах, садах и парках Тигранакерта», как о «неизбежных спутниках султанизма»⁵⁶.

Наконец, другой пример отклонения от эллинистических градостроительных принципов представляет если не античный Валаршапат, то, как мы постарались доказать, раннесредневековый Звартноц, образующий в плане круг, всходящий к особенностям планировки парфянских и сасанидских городов Двуречья и Западного Ирана⁵⁷.

Казалось бы, что образовавшиеся в переднеазиатской эллинистической среде города древней Армении должны предстать перед взором археологов в эллинистическом облике. Однако первые результаты раскопок не

⁵³ А р у т ю н я н, К вопросу о градостроительной культуре..., стр. 77.

⁵⁴ Г. А. Т и р а ц я н, Некоторые аспекты внутренней организации армянской сатрапии, ИФЖ, 1972, № 2, стр. 100—104.

⁵⁵ По-видимому, это было явление не чуждое эллинистическому миру. Такой замок за чертой города представляла собой Адрабана, находящаяся у Экбатан и преданная огню Тиграном II, царем Армении, во время его войны с Парфией (I s i d. S h a g a x., в кн. С. М ü l l e r, Geographi Graeci Minores, I, P., 1885, стр. 6). Таким же царским заповедником и вместе с тем крепостью была Старая Ниса, расположенная на отдельном холме вне городской черты Новой Нисы (Б. Я. С т а в и с к и й, Искусство Средней Азии, М., 1974, стр. 48). Можно еще упомянуть Дафне при Антиохии в Сирии, дворец-крепость при Александрии в Египте и Еруандакерт при Еруандашате в Армении, хотя нет уверенности в полном их сходстве с тигранакертским комплексом. В любом случае более вероятно, что большинство из приведенных примеров эллинистического времени своими корнями уходят в глубь веков, в ахеменидский мир.

⁵⁶ Т. М о м м з е н, История Рима, т. III, М., 1941, стр. 44.

⁵⁷ Г. А. Т и р а ц я н, К вопросу о градостроительной структуре и топографии древнего Валаршапата, ИФЖ, 1977, № 2, стр. 89—91.

дают пока права говорить об этом. Взять, например, цитадели городов Армавир и Арташат. Хотя раскопки Армавира продолжаются уже 15 лет, еще не было раскрыто ни одного монументального здания эллинистического типа. Зато здесь сплошь и рядом встречаются следы использования урартских оборонительных сооружений и зданий в эллинистическое время, в некоторых случаях слегка переделанных. Хотя цитадель Арташата более однородна по культурному облику, здесь тоже мало такого, что было бы специфически эллинистическим. Планировка крепостей цитадели не показывает чего-либо характерного для эллинистического крепостного строительства. Здесь скорее следует искать местные, возможно, урартские корни принципов застройки крепостей, или, если они даже заимствованы, то по мало затронутых эллинистическим влиянием глубинных областей Малой Азии или других сопредельных с Арменией стран. Нет пока ничего такого, что могло бы напомнить эллинистическую архитектуру, и еще в одном известном городе древней Армении, в Ерундашате.

Поэтому трудно говорить об архитектурном облике городов Армении, как о чем-то уже понятном. Конечно, нет сомнения в том, что ряд сооружений, как, например, театры в Тигранакерте и в Арташате, если там таковой существовал, должны были быть построены по образцу эллинистических театров Малой Азии и Сирии. Эллинистический облик имеет кладка стен цитадели города Аршамашат. С эллинистическими строительными особенностями связаны и такие детали строительной техники, как скрепы в виде ласточкина хвоста, засвидетельствованные, например, в Армавире.

Зато совсем не обязательно, чтобы все известные для городов Армении храмы имели эллинистический облик. Все больше оснований полагать, что для храма Солнца, Луны и царских предков в Армавире было использовано слегка переделанное здание урартского храма на вершине Армавирского холма. Сведения историка Агафангела о деревянных частях храма Анаиты в Арташате как будто указывают на возможность его сходства с храмом восточного типа той же Анаиты в Дедоплис-Миндори (Восточная Грузия), деревянное перекрытие которого рухнуло на пол здания и было найдено в полусгоревшем виде⁵⁸. Местные формы могло иметь и древнее святилище, находившееся на том месте, где был построен Тигранакерт и в 95 г. коронован Тигран. Весьма вероятно, что святилище было сохранено и включено в состав вновь построенного города.

О господстве неэллинистических традиций в архитектуре городов древней Армении свидетельствуют и торовидные базы колонн⁵⁹. Базы, обнаруженные в Армавире⁶⁰, Арташате⁶¹, Пайтакаране⁶², Ерундаване⁶³, Двине⁶⁴, в большинстве восходят, по всей вероятности, к традициям древнеперсидской, ахеменидской архитектуры. В отличие от баз аттического профиля, засвидетельствованных в Армении пока в Гарни (языческий храм) и в Двине

⁵⁸ Ю. М. Гагошидзе, Раскопки храма I в. до н. э. в Дедоплис-Миндори (Восточная Грузия), КСИА, 151, 1977, стр. 104, 108.

⁵⁹ И. Р. Пичикян, Регион распространения и хронология торовидных баз, II Республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении, Тезисы докладов, Ереван, 1976, стр. 165—167; он же, Традиции Востока в древнеармянской архитектуре, II Международный симпозиум по армянскому искусству, Ереван, 1978.

⁶⁰ Аракелян, О некоторых результатах... , рис. 7.

⁶¹ Он же, Древний Арташат, рис. 8.

⁶² А. А. Иессен, Из исторического прошлого Мильско-карабахской степи, «Труды Азербайджанской археологической экспедиции», т. II, 1965, МИА, 125, рис. 15, 16.

⁶³ Г. О. Караханян, Ф. И. Тер-Мартirosов, Раскопки у села Ширакван, Археологические открытия 1977 года, М., 1978, стр. 506 сл.

⁶⁴ К. Г. Кафарян, Город Двин и его раскопки, Ереван, 1952 (на арм. яз.), рис. 45, 94.

(случайная находка), они имеют квадратное (иногда ступенчатое) основание, с плоской круглой подушкой (тор) под деревянный ствол колонны.

Торовидные базы более совершенного типа, одноступенчатые или двуступенчатые, имеются в древнейших столицах ахеменидского Ирана — Пасаргадах⁶⁵ и Персеполе⁶⁶. Можно смело утверждать, что они вместе с колоколовидными базами представляют собой основной тип баз ахеменидской архитектуры, хотя не исключено их существование на Ближнем Востоке в доахеменидский период⁶⁷. Вместе с тем не лишено интереса то обстоятельство, что рассматриваемый тип баз встречается в эллинистический период на широкой территории, границы которой совпадают со сферой влияния ахеменидской культуры. Кроме Армении торовидные базы засвидетельствованы в Малой Азии (Пафлагония)⁶⁸, в Коммагене (Арсамея)⁶⁹, в Иберии⁷⁰ и Албании⁷¹ — на западе, в Парфии⁷² и Бактриане⁷³ — на востоке.

Археологическое изучение городов позволяет с большей наглядностью говорить о социальных различиях в среде горожан. Конечно, и до раскопок было ясно, что царь, его двор и вообще верхушка общества отличались условиями жизни от остального населения города. Раскопки позволяют провести более строгую дифференциацию среди самих горожан и их жилищ. Нет никакого сомнения, что выявленные при исследовании в 1967, 1969 и 1975 гг. городской территории Арташата строительные остатки и фрагменты архитектурного убранства (фрагменты черепицы, стеной росписи высокого качества и т. д.) демонстрируют наличие домов состоятельных горожан, приобщившихся к эллинистической культуре; от этих домов отличаются жилища некоторых из воинов или ремесленников, раскрытые на первом или восьмом холмах цитадели⁷⁴. Разница еще более разительна, если сравнить остатки арташатских домов с жилищами, открытыми на западном участке Армавирской крепости, в которых обитали бедняки. Планировка жилищ здесь незамысловатая, стены довольно скромного облика, перекрытия не черепичные, а камышовые⁷⁵.

Ничто не может дать более адекватного представления о совершавшемся процессе урбанизации армянского общества, чем проделываемая сейчас работа по топографической идентификации и определению границ городов Армении эллинистического времени, выявлению их составных частей (акрополь — городские кварталы — некрополь), выяснению архитектурного облика и т. д. Выявление «материального аспекта» этого грандиозного социально-экономического по существу процесса — прямой результат развернувшихся в последние годы археологических работ.

Г. А. Тиранян

⁶⁵ L. Vanden Berghе, *Archéologie de l'Iran ancien*, Leiden 1959, табл. 23; E. Schmidt, *Persepolis*, Chicago, 1953, рис. 8, А, В.

⁶⁶ Schmidt, *op. cit.*, рис. 72, 75, 77—81 (сокровищница), рис. 61 (тронный зал).

⁶⁷ P. Bernard, *Les traditions orientales dans l'architecture gréco-bactrienne*, «Journal asiatique», CCLXIV (1976), fasc. 3—4, стр. 250; F. K. Dörner, Th. Goell, *Arsameia am Nymphaios*, В., 1963, стр. 181, прим. 56.

⁶⁸ Dörner, Goell, *op. cit.*

⁶⁹ Там же, табл. 21, А, В, табл. 39, В, 41, А, 42 А.

⁷⁰ А. М. Аникидзе, *Города древней Грузии*, Тбилиси, 1968, рис. 4, 5.

⁷¹ И. А. Бабаев, *Исследования общественного здания второй половины I в. до н. э. — I в. н. э., на городище Кабала*, СА, 1977, № 4, рис. 1, 2, 3, стр. 221 сл.

⁷² Г. А. Пугаченкова, *Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма*, ТЮТАКЭ, VI, М., 1958, рис. на стр. 71.

⁷³ И. Т. Кругликова, *Дильберджи*, ч. I, М., 1974, рис. 48; Г. А. Пугаченкова, *Халчаян*, Ташкент, 1966, рис. 25, 79; Bernard, *Fouilles d'Ai-Khanoum*, Texte et figures, рис. 1, Planches, табл. 22а, 24а, б; он же, *Campagne de fouilles 1969 à Ai-Khanoum en Afghanistan*, рис. 25, 28; он же, *Les traditions orientales dans l'architecture gréco-bactrienne*, «Journal asiatique», CCLXIV (1976), fasc. 3—4, стр. 250—251.

⁷⁴ Аракелян, *Древний Арташат*, стр. 17 сл.

⁷⁵ Тиранян, *Археологические работы в Армавире*, стр. 98 сл.

ARMENIAN CITIES OF THE HELLENISTIC EPOCH

G. A. Tiratsyan

In the light of archaeological research the author discusses the origins, topography, urban building patterns and architectural features of Armenian cities in the Hellenistic period. Despite the general picture of regression in city life in the Armenian uplands in the post-Urartian period, an element of continuity is manifest in some former Urartian centres, evidence that cannot be ignored in any study of the origins of ancient Armenian cities. Archaeological investigation has made it possible to determine positively the location of a number of Armenian cities in the Hellenistic epoch: Armavir, Arshamashat, Yeruandashat, Artashat, Valarshapat. Citadels have been located, city territories have been approximately measured, also necropolises. In respect to building patterns the most important question is whether or not they show an overall plan, and in the case of Artashat such planning is evident. This might signify a Hellenistic Greek model. However, near Zernaki-tepe, north of Lake Van, an Urartian city has been discovered with streets crossing at right angles and residential blocks forming rectangular massifs (this is not the only such Urartian city), which provides a basis for more careful study of the possibility that Urartian urban building patterns served as models for Armenian cities. Lying close to Tigranocerta, but apparently outside the city walls, there was a complex consisting of a royal palace with its parks, lakes and hunting chases, and a fortress. This layout suggests ancient oriental, in particular Achaemenid models. The circular plan of early mediaeval Zvartnots, perhaps also of ancient Valarshapat, goes back to architectural monuments of Iran and Mesopotamia in the Parthian period.